

ПАМЯТИ ПУШКИНА (1837—1987)

В. Е. Гусев

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ А. С. ПУШКИНА

«Всемирная отзывчивость» — так определил Ф. М. Достоевский коренную особенность пушкинского гения. Это проявилось в творчестве великого русского поэта не только в отзыве на «вечные темы» искусства, не только в его переключке с классиками литературы и великими зарубежными современниками — от Гомера и Горация до Байрона, Гете и Мицкевича, но и в широком охвате фактов истории и культуры человечества. Гуманистический универсализм Пушкина выразился в признании своеобразия и ценности культуры всех народов: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию. ... Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»¹. И хотя в этом высказывании речь идет об этнической самобытности, Пушкин связывал ее прежде всего с народом в собственном, социальном смысле — создателем основ всякой национальной культуры и хранителем ее ценности. Как поэт Пушкин, естественно, обращался к народной поэзии, его чуткое ухо уловило, пользуясь словами Гердера, «голоса народов в их песнях», и в этом смысле он был первым русским гердерьянцем. Душа Пушкина, сливаясь с музыкальной стихией русских народных песен, откликалась и на украинские, и на грузинские песни, на песни черкесов и крымских татар, на песни молдаван и на «песен радостные гулы» цыган, на песни сербских юнаков и греческих клефтов, на испанские и шотландские песни... Не случайно именно фольклоризм Пушкина давно привлекал внимание исследователей, и связям его творчества с народными песнями и сказками посвящена обширная специальная литература².

Но отношение Пушкина к фольклору — лишь часть более широких его интересов в области народной культуры в целом: к обычаям и нравам, обрядам, праздникам, играм, хороводам, верованиям, приметам, к многослойному мировоззрению и нравственному облику народа, к его национальному характеру. Этнографизм Пушкина в широком смысле слова еще не получил полного освещения в научной литературе. Немногочисленные опыты в этой области сводились главным образом к анализу отражения этнографических интересов Пушкина в его поэзии³. Но уже первый, кто взялся за эту тему, определенно заявил о «заслугах Пушкина» для русской этнографии, заметив, что «успехи науки вызы-

¹ Пушкин А. С. О народности в литературе // Полн. собр. соч. в 10 т. М.; Л., 1956—1958. Т. VII. С. 39—40. Далее ссылки по этому изданию в тексте (римская цифра — том, арабская — страница).

² Из основных работ, обобщающих специальные и конкретные исследования, назовем: Чернышев В. И. Пушкин среди творцов и носителей русской песни // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 82—94; Андреев Н. П. Произведения Пушкина в фольклоре // Литературный критик. 1937. № 1. С. 151—168; Азадовский М. К. Пушкин и фольклор // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л., 1938; Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Уч. зап. ЛГПИ: Каф. рус. лит.-ры. 1938. № 14. С. 39—69; Соколова В. К. Пушкин и народное творчество // Гр. ин-та этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. С. 210—220.

³ Миллер В. Ф. Пушкин как поэт-этнограф // Этнографическое обозрение. 1899. № 1—2. С. 154—162; Петров Н. А. Народные черты и симпатии в поэзии Пушкина // Актовые речи преподавателей Киевской 1-ой гимназии. Киев, 1900. С. 1—24; Кагаров Е. Г. Этнографические мотивы в поэзии А. С. Пушкина // Сов. этнография. 1937. № 1. С. 51—67.

ваются не одними специальными учеными трудами» и что Пушкин принадлежал к числу тех, кто, не будучи специалистом-этнографом, будил интерес к этнографической проблематике, передавал исследователям «свои увлечения известными идеями»⁴.

Этнография как наука только зарождалась в России первой трети XIX в., и в этом процессе Пушкин наряду с декабристами сыграл весьма важную роль, причем этнографизм самого Пушкина формировался и развивался в русле декабристского этнографизма, под определенным воздействием идей, высказанных в «Письмах русского офицера» Ф. Глинки (1815—1816 гг.), в статье Н. Тургенева «О барщине» (1818 г.), в статьях, публиковавшихся в «Соревнователе просвещения и благотворения», который был легальным органом декабристского тайного общества («Листок из дневника гвардейского офицера», «Поездка в Ревель», «О деревянном строении в России» А. Бестужева, «Записки о Голландии» Н. Бестужева и др.)⁵.

Этнографические интересы Пушкина складывались постепенно, они определялись собственными жизненными наблюдениями поэта и пополнялись и корректировались чтением специальной литературы. Характерно, что в библиотеке Пушкина из 529 книг на русском языке литература по этнографии и путешествиям насчитывала 63 названия, т. е. составляла более чем десятую часть (кроме того, литература по фольклору представлена 9 названиями на русском и 18 — на иностранных языках). В этот перечень не входят многочисленные месяцесловы, письмовники, песенники, руководства к играм, другие материалы, имеющие большее или меньшее отношение к этнографическим источникам. Среди книг, к которым обращался Пушкин, — многотомное «Полное собрание ученых путешествий по России» (СПб., 1821—1822, 1824, 1825), «Описание земли Камчатки...» С. Крашенинникова (СПб., 1786), книги П. Палласа, И. Крузенштерна, И. Лепехина, М. Невзорова, Я. Озерцовского, Г. Шелехова и других русских авторов, где рассказано о нравах и обычаях народов России и Европы, а также книги зарубежных путешественников и этнографов, справочные издания и т. п.⁶

Осознанный интерес Пушкина к разным сторонам народной культуры особенно ярко проявился во время его южной ссылки. Романтически настроенный поэт, с характерным для европейских романтиков увлечением этнографизмом, оказавшись в иной, не русской, этнической среде, острым взглядом бытописателя отметил некоторые характерные черты жизни этой среды.

В его стихах запечатлена картина нравов, обычаев, быта, черты характера тех народов, с которыми он невольно соприкоснулся.

«Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край (...),
Жилитще дикое черкесских табунов...» (II, 12)

В другом отрывке отразились крымские впечатления поэта:

«Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум, — и красные долины,
Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной

⁴ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 183.

⁵ См. подробнее: Соколова В. К. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 187—210; Гусев В. Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию // Декабристы и русская культура. М.; Л., 1976. С. 80—104.

⁶ Anecdotes et Recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différents peuples de la Russie... Londres, 1791; Willinson W. Tableau historique, géographique et politique de Moldavie et de la Valachie... P., 1824; Verger V. Dictionnaire de la Fable ou mythologie grecque, japonaise, arabe, mahométane, scandinave, africaine, américaine etc... P., 1829; Beaumont G. Marie, ou l'esclavage aux Etats-Unis... Du Système pénitentiaire aux, Etats-Unis. P., 1836; Chapp d'Auterach J. Voyage en Sibérie... Amsterdam, 1769; Bell d'Antermony J. Voyages depuis St-Petersbourg en Russie... P., 1766; Bergman B. Voyage... chez Kalmouks... Chatillon-sur-Seine, 1825. См. описание библиотеки Пушкина: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10.

Под кровлею живут гостеприимной.
Все живо там, все там очей отрада —
Сады татар, селенья, города...» (II, 49)

Внимание поэта привлекает и этническая пестрота молодой, строящейся тогда Одессы:

«Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли...» (V, 204)

Особенно много живых наблюдений и зарисовок народных характеров сделал Пушкин в Бессарабии. Простые молдаване и молдаванки, цыгане и цыганки, греки и гречанки, болгары, сербы, албанцы, армяне, евреи шумной разноязыкой толпой окружают музу ссыльного поэта, вторгаются в его творческие замыслы, в его стихи, рисунки, заметки, письма. Он не только не ищет тишины и уединения, а, напротив, находит любой повод, чтобы ближе сойтись с этими людьми, узнать их обычаи, язык, песни. На улицах Кишинева он интересуется развлечениями местных жителей, наблюдает молдаванские праздники, любит танцами под волынку (*джок*), увлекается народными состязаниями в борьбе болгарских переселенцев и сам желает освоить их приемы... На несколько дней он отправляется в лесной цыганский табор под Юрченами и живет в шатре *булибаши* (старосты табора)⁷. Позднее в эпилоге «Цыган» он будет вспоминать:

«Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов.

В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы...»

В примечаниях к поэме Пушкин сообщает сведения о происхождении и занятиях цыган, положении и этническом своеобразии цыганского населения Молдавии. Он имел полное основание утверждать, что предлагает читателям «довольно верно описанную» их «дикую кочевую жизнь» (VII, 20). Среди рисунков поэта находим изображение цыганского шатра.

Любимым времяпрепровождением поэта становится посещение кишиневских базаров. В стихотворении «Чиновник и поэт» он иронически воспроизвел характерный диалог:

«— Куда вы? За город, конечно,
Зефиром утренним дышать?
И с вашей музою мечтать
Уединенно и беспечно?
— Нет, я собираюсь на базар:
Люблю базарное волнение,
(...)
И спор, и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение,
Люблю толпу, лохмотья, шум...» (II, 78)

И чиновник, выслушав неожиданные признания поэта, резонно замечает:

«Так, наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.» (II, 78)

Живые наблюдения, проникновение в «дух народный» позволили Пушкину создать прекрасные поэмы «Гасуб» («Газит»), «Кавказский пленник»⁸, «Цыганы», балладу «Черная шаль» (сначала названная «мол-

⁷ Ралли-Арборе З. К. Из семейных воспоминаний//Минувшие годы. СПб., 1908.

⁸ Этнографические мотивы в стихах, навеянных кавказскими впечатлениями, обстоятельно прокомментированы Е. Г. Кагаровым (Указ. раб. С. 53). Позднее в «Путешествии в Арзрум» Пушкин вновь описывает нравы народов Кавказа и Закавказья, а также дает этнографически точную характеристику быта калмыков (VI, 643—644, 647—650, 659—664); ср. путевые записки Пушкина (VI, 742—743).

давской песней»), озорную стихотворную сказку «Недавно бедный мусульман/В Юрзуфе жил с детьми, с женою . . .», стихотворения, полные сочувствия к освободительной борьбе балканских народов: «Гречанка верная, не плачь, он пал героем...»; «Гречанке» — «Ты рождена воспламенять/Воображение поэтов...»; «Дочери Карагеоргия» — дочери Георгия Черного, прославленного героя первого сербского восстания. Замечу, что встречи Пушкина в Молдавии с сербскими воеводами, от которых он записал рассказы, предания и песни, позднее помогли ему в работе над «Песнями западных славян».

В стихотворении «Приметы» Пушкин воссоздал один из характерных элементов народной земледельческой культуры:

«Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду» (II, 71)

Близкое соприкосновение с культурой других народов обострило историческую память и поэтическое воображение Пушкина, побудило его теперь, во время южной ссылки, вспомнить няню — «наперсницу волшебной старины», обратиться к русским народным и летописным преданиям, в результате чего родилась «Песнь о вешем Олеге».

Именно в Бессарабии Пушкин по-новому оценил и русские обычаи:

«В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны» (II, 148)

В Михайловское Пушкин приехал духовно преображенным. Здесь он впервые сознательно и увлеченно изучает историю народа, отразившуюся в преданиях, постигает народную мудрость, заключенную в пословицах и поговорках, вслушивается в живую крестьянскую речь, знакомится с народными обрядами, поверьями, приметами, играми, слушает и записывает народные сказки, песни, легенды. Арина Родионовна стала его «народным университетом». В первой половине ноября 1824 г. в письме к брату Льву он сообщает: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания», а вслед за этим признанием восклицает: «Что за прелесть наши сказки! Каждая есть поэма!» (X, 108). В. И. Даль в своих воспоминаниях приводит такие слова Пушкина: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»⁹.

Пушкин становится завсегдатаем святогорских ярмарок. Они были здесь давней традицией, устраивались несколько раз в году, особенно многолюдной была летняя, в «девятник», т. е. в девятую пятницу после Пасхи. Сюда съезжались купцы, ремесленники, крестьяне со всей псковской округи и из других мест России. Торговали в гостином дворе, в лавках, в наспех построенных ларях, а то и просто с повозок и телег на монастырском поле и вдоль дороги на Новоржев. Ярмарки эти представляли Пушкину возможность не только непосредственно наблюдать торги, но и общаться с народом и даже включаться в происходящие события. Кучер Пушкина Петр Парфенов рассказывал в 1859 г. К. А. Тимофееву: «Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу перед Петровками; ну, народу много собирается; и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная (. . .), палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет паземь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают»¹⁰ (стихи — так называемые духовные стихи, народные баллады об Алексее, человеке

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1974. Т. II. С. 224. В библиотеке Пушкина находилось «Собрание 4291 древних русских пословиц» (СПб., 1770) с многочисленными пометками. На одной из страниц он вписал карандашом поговорку: «В кабак далеко, да ходить легко, — в церковь близко, да ходить склизко» (с. 40).

¹⁰ Там же. Т. I. С. 430.

божьем, о Егории и т. п.— В. Г.). По воспоминаниям псаломщика Вороничской церкви А. Д. Скоропоста, Пушкин «любил ходить, где более было собравшихся нищих. Он, бывало, вмешается в их толпу и поет с ними разные припевки, шутит и записывает, что они поют, а иногда даже переодевается и ходит с нищими по ярмарке»¹¹. В устных рассказах о поэте крестьяне сохранили и его облик: «...барин — мужик мужиком: льняные порты, домотканые, рубаха красная, шляпа соломенная, в руках палка суковатая. В деревню придет, как свой, со всеми поговорит...»¹². Случалось, Пушкин играл с детьми в бабки, кубаря и другие игры¹³. Он приезжал и на ярмарку в Опочке, проходившую на соборной площади 12 раз в году и тоже славившуюся на всю округу. В дневнике опочского мелкого торговца И. И. Лапина в записи за 29 мая 1825 г. отмечается: «...имел шастие видеть Александру Сергеевича, г[осподи] на Пушкина, который некоторым образом удивил своею одеждою: ...у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руках трострию...»¹⁴. Разумеется, простонародный костюм Пушкина был лишь внешним, хотя и демонстративным, проявлением его отношения к народу. Существенно другое — отмеченная мемуаристами способность Пушкина сближаться с народом. Его теперь интересовали не только праздничные, веселые минуты жизни народа, но все проявления народного быта. Он интересовался также народными промыслами и ремеслами, лубочными картинками, покупал валдайские колокольчики, баражки и фигурные пряники у местных крестьянок, искусные изделия торжковских золотощвеек («золотые поясы»), ему нравились орнаментированные рушники (одно полотенец, вышитое Ариной Родионовной, он берег до самой смерти; сохранный его сыном, оно теперь находится в коллекции Государственного музея А. С. Пушкина в Москве). Он любил народную кухню, сам употреблял простую пищу; даже позже, на даче в Царском Селе, как вспоминает О. А. Смирнова-Россет, у Пушкиных на обед подавали зеленый суп с крутыми яйцами, рубленые котлеты со шпинатом или шавелем и на десерт — варенье из белого крыжовника¹⁵.

Замечательно, что в главах «Евгения Онегина», написанных в Михайловском, Пушкин воссоздает некоторые черты народной культуры в образе няни, которая «хранила в памяти немало старинных былей, небылиц про злых духов и про девиц» (V, 63) и чьи «страшные рассказы» пленяли сердце Татьяны. Сама героиня романа впитала нравственные заветы народа и «привычки милой старины», которые сохранялись в домашнем быту помещичьего дворянства, где

«Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод» (V, 52),

святочные гадания, толкования снов, «песенки заветные» деревенских девушек, «игры девичьи».

Исследователями и биографами Пушкина давно замечено, что Пушкин придал образу Татьяны некоторые черты, присущие ему самому, вплоть до веры в «тревожные приметы». Но, разумеется, область духовного мира самого Пушкина, связанная с народной культурой, только этим не ограничивалась. Важнейшее место в ней занимали разум наро-

¹¹ Русский архив. 1892. № 1. С. 96.

¹² Предания старины глубокой. Запись устных рассказов о Пушкине в Михайловском в 1930-е годы (О. В. Ломан)// Ленинградская правда. 1987. 3 марта. № 51.

¹³ Любовь Пушкина к «русской удалой игре» выразилась в стихах «На статую играющего в свайку» и «На статую играющего в бабки», посвященных скульптурам А. В. Логановского и Н. С. Пименова (установлены в Царском Селе перед Александровским дворцом; стихи выбиты на постаментах этих статуй).

¹⁴ *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1914. С. 203. Примечательно, что в ранней редакции «Евгения Онегина» Пушкин наделил и героя романа этим «нарядом чудным»: «носил он русскую рубашку, платок шелковый кушаком» (V, 535).

¹⁵ *Смирнова-Россет О. А.* Автобиография. М., 1931. С. 328. В сочинениях Пушкина встречаются названия, относящиеся к крестьянской пище: «шти», «полба», «гречневая каша», «русские блины», «соленые грибы», различные ягоды, орехи, мед, пиво.

да, его свободолюбивые чаяния и мятежные порывы. Отсюда его интерес к Разину и Пугачеву, к преданиям и песням о вождях крестьянской революции, к быту и нравам казачьей вольницы, понимание диалектики народной души, отразившейся в народных песнях:

«Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...»¹⁶ (II, 344)

Новыми впечатлениями обогатили Пушкина поездки по Тверской земле осенью 1828 и 1829 гг. После смерти Арины Родионовны он, по выражению Т. Г. Цявловской, «перенес свои пенаты» в Малинники, навещал окрестные села, подолгу беседовал с крестьянами и дворовыми людьми. «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю», — признавался Пушкин в одном из писем А. Дельвигу (X, 255). В Старицком уезде Тверской губернии, во время своих «осенних досугов» в Малинниках, Павловском, Берново, Мологине, Старице, Конопине, он не только веселился, но и глубоко воспринимал жизнь народа с ее печальными, а подчас и трагическими событиями. А. Н. Вульф, с которым он ездил, записал в дневнике: его, Пушкина, «пылкий, проницательный ум обнимает быстро предметы <...> Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро»¹⁷. Даже во время кратких остановок он общается то с ямщиками, то с крестьянами, заглядывает на котельный двор, наблюдает повседневные занятия крестьян. В одном из лирических отступлений в «Путешествии Евгения Онегина», написанном в Павловске в октябре 1829 г., он признавался:

«Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой» (V, 203)

В черновике этой строфы находим зарисовку деревни:

«Избушку, сломанный забор,
Да через светлую полянку
Вдали бегущую крестьянку,
За нивой дымные овины
Да стройных прачек у плотины».

Сельский пейзаж оживлен присутствием работающих крестьянок, которыми любителю поэт. Их судьбы, их чувства занимают теперь воображение поэта. Услышанные им в Берново устные предания о событии, относящемся к XVIII в., легли в основу драмы в стихах «Русалка», которую он обдумывал здесь же в 1829 г. «Печальные места» на р. Тьма, где разыгралась трагедия девушки, обманутой помещиком, замшелая избушка, разрушенная мельница у омута, образы старика-мельника и его дочери — все это было запечатлено в альбоме Пушкина, в его рисунках и набросках текста. Местный учитель А. А. Раменский, которому поэт подарил тетрадь, позднее вспоминал: «Пушкин не раз ходил к этому омуту, сделал на полях много зарисовок старой мельницы, мельника, реки, старинных дубов...»¹⁸. Пейзажные и этнографические зарисовки Пушкина обычно сопровождали и дополняли текст в его рукописях, составляли зрительно воспринимаемый фон, место действия, костюм персонажа. Большую часть графических набросков Пушкин делал по памяти, в данном же случае это были рисунки с натуры, что придавало им документальную ценность и вызывает особое сожаление об их утрате.

¹⁶ Е. Г. Кагаров справедливо отметил, что «этнографические интересы Пушкина носят не отвлеченный, кабинетный характер, а теснейшим образом связаны с его вольнолюбивыми мечтами» (Указ. раб. С. 52).

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников... Т. 1. С. 419.

¹⁸ Цит. письмо С. Д. Полторацкого брату учителя: см. Пьянов А. Мои осенние досуги. М., 1983. С. 251. Тетрадь, о которой идет речь, хранилась в Мологине у наследников Раменских, в 1918 г. была передана в Народный комиссариат просвещения, но местонахождение ее теперь неизвестно (см. Там же. С. 252).

Фольклорные образы и мотивы, усвоенные Пушкиным еще в Михайловском (например, свадебная корильная песня «Сватушка, сватушка!»), органически вливались в фабулу реальной берновской трагедии, переработанную его творческим воображением.

Особый интерес представляют воспроизведенный в драме эпизод свадебного обряда¹⁹ и фантастическая сцена подводного мира с русалками. Впервые образы русской народной мифологии появились в стихотворениях Пушкина 1819 г. («Домовой», «Русалка»). В это время в Михайловском молодого поэта увлек легендарный мотив искушения старого монаха русалкой, которая предстает в облике нагой, бледной, молчаливой женщины, выходящей ночью из озера, расчесывающей на берегу при свете красного месяца влажные волосы; при втором своем появлении следующей ночью она

«Глядит, кивает головою,
Целует издали, шутя,
Играет, плещется волною,
Хочет, плачет как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...»

Среди различных, несхожих между собой народных преданий о русалках пушкинское описание занимает особое место. Оно не является плодом поэтического воображения, но дополняет хорошо известные этнографам факты и воспроизводит услышанный поэтом в Михайловском или его окрестностях рассказ о русалках. Это описание сближается с той группой преданий, где русалки обитают в воде, заманивают туда людей и предстают в облике молодых женщин с распущенными волосами²⁰. Пушкину была известна и другая версия народных преданий, где местом обитания считаются деревья (а конкретнее — дубы): в прологе к «Руслану и Людмиле» («У лукоморья дуб зеленый...»), написанном в Михайловском во время ссылки (1824—1825 гг.), «русалка на ветвях сидит» — этот образ заимствован из присказки няни Арины Родионовны (текст ее сохранился в записи Пушкина)²¹. В драме «Русалка», однако, Пушкин возвратился к версии, воссозданной в раннем одноименном стихотворении, причем в драме она восполнена новыми мотивами, а именно представлением о русалках как утонувших девушках, об их занятиях (они прядут на дне реки пряжу) и поведении (они всплывают, чтобы поиграть под луной, пугают всадников и их коней плеском, хохотом и свистом, щекочат пешехода, отягчают невод рыбаков травой и тиной, заманивают в воду детей рассказами о рыбаках — V, 444, 448—449, 450). Примечательно, что в пушкинском описании нет черт распространенного в этнографических источниках типа страшных, старых, уродливых русалок; поэт воссоздает более традиционное представление об этих фольклорных персонажах, но вместе с тем в его произведениях нет идеализации русалок, характерной для литературного стереотипа этого образа²²; даже героиня драмы, доверчивая, обманутая дочь мельника, став «русалкою холодной и могучей», царицей русалок, приобрела черты коварства и мстительности. Это тем более существенно, что в наброске первой редакции драмы, относящемся к 1826 г., образ русалки сохраняет еще стереотипный обаятельный облик («Как сладостно явление ее...» — V, 573). От такого идеализированного восприятия русалок

¹⁹ Свадебный обряд прокомментирован Е. Г. Кагаровым (Указ. раб. С. 61—64). В собрании песен П. В. Киреевского сохранились копии записей Пушкина, где находятся не только тексты свадебных песен, но и описание эпизодов свадебного обряда, к которым приурочены песни (III, 415—432).

²⁰ См.: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Т. 1; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 68—91; Сокколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 213—223; Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88—130.

²¹ Ср. Виноградова Л. Н. Указ. раб. С. 99.

²² Померанцева Э. В. Указ. раб. С. 90—91.

Пушкин отказался в последней редакции драмы, восстановив присущий народной традиции их неоднозначный облик²³.

Интерес Пушкина к народным мифологическим представлениям ярко проявился в его частом обращении к образам бесов. Их условные и вместе с тем выразительные силуэты пестрят на пушкинских рукописях; они появляются и в его стихах — то забавные, незадачливые, то страшные, безобразные:

«Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?» (III, 177)

Разумеется, в идейно-художественном контексте стихотворения, откуда взято это четверостишие, образы бесов приобретают многозначный смысл злых сил, угрожающих поэту. Но не случайно метафора облечена в образы, почерпнутые из народной демонологии. Известно, что образы бесов существовали в двух мифологических системах: в исконной общеславянской — как наименование злых духов и позднее — в религиозно-христианской (заменив в средневековой церковной литературе понятие «демоны» греческих текстов) для обозначения всех антагонистов троицы и ангелов — «врагов невидимых» рода человеческого, слуг и воинов дьявола²⁴. Пушкинское восприятие бесов определено собственно народной традицией, восходящей к древнеславянским языческим представлениям, сохранявшимся и в первой трети XIX в. в русских фольклорных текстах — сказках, былинах, заговорах. Это отчетливо выражено и в пестро-пестром стихотворении «Бесы» (1830 г.), и в «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1830 г.), в основу которой положен текст, записанный Пушкиным в конце 1824 г. от Арины Родионовны (III, 452—453). Официальное христианство осуждает какие бы то ни было отношения и тем более договор с бесами как тягчайший грех; в то же время в фольклоре существует большая группа сказок об одураченном черте (бесе), где положительный персонаж вступает с ним в уговор, состязание или, выполняя совместную работу, выходит победителем²⁵. Сюжет пушкинской сказки и характеристика ее персонажей целиком совпадают с народной традицией.

В связи с пушкинским восприятием беса, близким к амбивалентным значениям злых духов в народной демонологии, большой интерес представляет неосуществленный замысел Пушкина, отраженный в плане произведения под заглавием «Влюбленный бес» (задумано в начале 1820-х годов). В наброске названы: «два приятеля» («один развратный; другой — Влюбленный бес») и некая вдова-чертовка; события отнесены автором к 1811 г. Хотя такое произведение не было написано, но в конце 1820-х годов Пушкин, по воспоминаниям А. П. Керн, развил свой замысел в «устную сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров» (в Петербурге, — В. Г.) (IX, 549). Эта «сказка», а точнее — устный рассказ Пушкина был записан В. П. Титовым и оформлен как повесть «Уединенный домик на Васильевском», текст которой был просмотрен, поправлен самим Пушкиным и опубликован под псевдонимом Тит Космократов в альманахе «Северные цветы» на 1829 г. (XX, 507—540). По свидетельству В. П. Титова, «всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском острове» Пушкин рассказал однажды вечером у Карамзиных. Заслуживает внимания признание Титова, что «игроки-черти, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанными под парик, — честь всех этих вымыслов <...> принадлежит Пушкину» (IX,

²³ Характеристика героини как царицы русалок находит соответствие в этнографических источниках (Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 166). Отражение мифологических представлений о вилах, «вурдалаках» (*вукодлаках*), упырях в «Песнях западных славян» прокомментировано Е. Г. Кагаровым (Указ. раб. С. 56—60).

²⁴ Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 169; М., 1982. Т. 2. С. 625.

²⁵ См. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Барга Л. Г., Березовский И. П., Кабашиников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979. С. 254—264. Сказка, записанная Пушкиным, соотносится с № 1000, 1060*, 1061, 1063, 1082, 1130, 1162.

549). Впрочем, трудно установить, что в рассказе является «вымыслом» Пушкина, а что — воспроизведением бытовавших в устной традиции быличек. Несомненно одно: основу замысла и устного рассказа Пушкина составили народные демонологические представления о бесах и знакомый ему этнографические источники²³. Примечательно и другое: пушкинский сюжет переносит все события в город (в плане повести — Москва, в устном рассказе — Петербург), и на нем лежит отпечаток обработки демонологических представлений в *городской среде*. Герою повествования Павлу приходят на память типично петербургские «старые рассказы о мертвых телах, находимых на Волковом поле, об извозчиках, которые там режут седоков своих и т. п.» (IX, 527). Само повествование завершается важным для исследователя признанием автора: «Повесть <...> известна некоторым лицам среднего класса в Петербурге, через которых дошла и до меня по изустному преданию» (IX, 540). В этих словах — указание на устную традицию как на источник повествования и на среду, где бывал сюжет, — «средний класс». Это подводит нас непосредственно к теме этнографии города в пушкинском наследии.

Многолетние наблюдения над народной жизнью знакомили Пушкина не только с крестьянской культурой, но и с нравами и обычаями населения городов России, в частности с занятиями и бытом «среднего класса» — мещан, ремесленников, торговцев, мелких чиновников. Действие демонологического рассказа о ведьме происходит в Киеве («Гусар»). В отрывках из «Путешествия Евгения Онегина» в отличие от идеализированных описаний «садов одесских» предстает ландшафт «Одессы пыльной», «Одессы грязной», с домами, «загрязнувшими» на аршин, с пешеходами на ходулях, с завязшими в грязи каретами, с впряженными в дрожки волами. Здесь же воспроизведены реалистические картины городского быта. Внимание Пушкина привлекла Нижегородская ярмарка:

«Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей...» (V, 200)

Пушкин запечатлевает подвижную панораму московских улиц:

«Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Куппы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах» (V, 157)

А в дворянском доме внимание поэта привлекает слуга «в очках, в изорванном халате, с чулком в руке, седой калмык» (V, 157).

В сущности этнографическим очерком быта московских ремесленников оказалась повесть «Гробовщик». Прототипом ее центрального персонажа было реальное лицо — гробовщик Адриан, проживавший неподалеку от дома Гончаровых (см. письмо Пушкина от 4 мая 1830 г. Н. Н. Гончаровой — X, 313). Пушкин сохранил и его имя, и род занятий, точно воспроизвел местную городскую топографию, интерьер «желтого домика» на Басманной улице, куда вселился Адриан, и даже своеобразную вывеску, возвещавшую прохожим о товаре, который они могли приобрести у хозяина: «Над воротами возвышалась вывеска, изображающая

²³ Ср. наброски Пушкина к замыслам драмы о Фаусте (1825 г.), где у сатаны идет игра в карты и где играют «не из денег, а только б вечность проводить» (II, 307). Мотив игры с чертом в карты знаком народным сказам; он упоминается и в записи Пушкиным сказки о Балде. Сведения о бесах (чертях) Пушкин мог почерпнуть из находившейся в его библиотеке книги М. Д. Чулкова «Абевега русских суеверий...» (М., 1786). Некоторые былички о чертях сохранились в записях Пушкина (III, 455—456, № 6).

дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с надписью: Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починаются старые» (VI, 120). Не менее колоритно обстоятельное описание застолья у соседа-сапожника, немца. Примечательно, что фантастический эпизод, заимствованный из быличек (мертвецы в гостях у гробовщика), приобретает у Пушкина реалистическую мотивировку (сон подвыпившего хозяина), и сам он также насыщен этнографическими реалиями, отраженными в свидении ремесленника.

Особенно многочисленны в произведениях Пушкина детали, позволяющие узнать «город пышный, город бедный» — столицу Российской империи с ее социальными контрастами, с повседневными занятиями, заботами и трагедиями «среднего класса». Пушкинский Петербург — это не только его дворцы, особняки, салоны, театры, рестораны, его светское общество, но и его окраины, деревянные домики, ветхие хижинки, смытые наводнением... Пушкин ранним утром наблюдает пробужденный барабаном «неугомонный Петербург»:

«Встает купец, идет разнощик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит...» (V, 25)

А вечерами подле театра «усталые лакеи на шубах у подъезда спят» и «кучера, вокруг огней, бранят господ и бьют в ладони» (V, 19). В ночной тишине пленяет поэта «рожок и песня удалая», доносящаяся с Невы (V, 30), а после наводнения, когда на Неве еще «кипели злобно волны», появляется «перевозчик беззаботный», который за гривенник везет через реку несчастного Евгения (IV, 391). Всюду пронзительный взгляд Пушкина находит простолюдина. С поразительной достоверностью и мастерством бытописателя Пушкин воссоздает мирок «Домика в Коломне» — тогдашней окраины Петербурга²⁷. Героем произведений его становится «...просто гражданин столичный, коих встречаем всюду тьму» (IV, 348). Этот демократизм писателя и объясняет его интерес к этнографии города. Характеристика отношения Пушкина к городской культуре была бы неполной без упоминания его знаменитой формулы: «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное» (VII, 213). Подлинный смысл этого утверждения, как и последующих рассуждений Пушкина («Народ требует (...) занимательность действия... Народ требует сильных ощущений...»), становится ясным, если вспомнить балаганные представления на площадях Петербурга в дни Масленицы и на Пасхальной неделе. О них писали газеты и журналы 1820—1830-х годов, тогда же издавались и распространялись литографии с изображением балаганов, качелей и балаганых комиков-зазывал²⁸. В. Г. Беллинский, чьими статьями интересовался Пушкин и которого предполагал привлечь к сотрудничеству в «Современнике», писал в «Молве» (1835 г., № 44): «...театр исчезает и уступает свое место балагану (...). Не случилось ли вам когда-нибудь приглядываться к штукам паяцов и прислушиваться к их остроумным шуткам? Мне случилось, потому что я люблю иногда посмотреть на наш добрый народ в его веселые минуты, чтобы получить как-нибудь данные насчет его эстетического направления ... Посмотрите: вот паяц на своей сцене, т. е. на подмостках балагана; внизу, перед балаганом, тьма эстетического народа, ищущего *своего* изящного, *своего* искусства; остроты буффона сыплются как искры от огня; все смеется добродушным смехом»²⁹. Аналогичные впечатления мог вынести и Пушкин в одно из посещений народных гуляний в Москве или Петербурге. Так или иначе без знания городской зрелищной культуры были бы невозможны приведенные выше и другие рассуждения Пушкина о народ-

²⁷ См. Рабинович М. Г. «Домик в Коломне». Картинки из жизни старого русского города (Поэма А. С. Пушкина как исторический источник)//Сов. этнография. 1987. № 1. С. 123—132.

²⁸ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л., 1984. С. 14—23. Илл. 3, 4, 12, 113 об., 120—121, илл. 64 и др.

²⁹ Беллинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 349—350.

ности театра. Характерно также, что в «Плане истории русской литературы» Пушкин в разделе фольклора среди других жанров называет и народные драматические представления: «Сказки, мистери и. Песни» (VII, 532. Разрядка моя — В. Г.).

В первой половине 1830-х годов, после Болдинской осени, складываются в систему исторические и эстетические взгляды Пушкина, кристаллизуются его мысли о народности искусства. Не отождествляя народность с простонародностью и даже выступая против реакционного понимания простонародности и натуралистической бытописательности, Пушкин создает выдающиеся произведения, насыщенные этнографическим и фольклорным материалом: «Историю Пугачева» (куда вошли и собранные автором во время его поездок по местам восстания устные предания и рассказы), «Капитанскую дочку», «Повести Белкина», цикл сказок, гениальные «Песни западных славян», стихотворения, представляющие собой стилизацию русских народных песен... Впечатления от Болдинской осени, коллективные письма крестьян с жалобами на приказчика, адресованные Пушкину, дали ему материал для несбытого в русской литературе произведения — «История села Горюхина» (среди источников Пушкин называет и «изустные предания»); проинкинутая горькой иронией, «История» знакомит читателя, по определению рассказчика, «с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей» (VI, 190), рисует трагическую картину разорения крестьян. В рукописном плане «Истории» читаем: «Была богатая вольная деревня/Обеднела от тиранства (...). Пришла в упадок от нерадения» (VI, 765); в набросках планов отдельных частей обозначены: «Нравы его обитателей», «Архитектура», «Торговля, браки, похороны, одежда, язык, поэзия» (VI, 766).

Острые проблемы народной жизни, состояние народной культуры продолжают волновать Пушкина до конца его жизни. Самым значительным свидетельством тому является его «Путешествие из Москвы в Петербург» — своеобразное переосмысление радищевской книги, высокая оценка которой содержится в разновременных высказываниях Пушкина. Предназначенное для печати и сдержанное по цензурным соображениям, «Путешествие» Пушкина насыщено его собственными наблюдениями и рассуждениями о народе и изобилует цитатами из книги Радищева, содержащими описание быта и культуры русского крестьянства. Как бы продолжая тему «Истории села Горюхина», Пушкин в своем «Путешествии» отмечает: «Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свиблова и Останкина» (VII, 274). Чрезвычайно интересен комментарий Пушкина к радищевскому, «замечательному», по его выражению, описанию русской избы — комментарий, который сделал бы честь ученому-этнографу (VII, 288—289). Особенно важна характеристика крестьянского домашнего быта и нравственного облика русского крестьянина. Пушкин отмечает отсутствие рабского унижения, черты смелости, смысленности, проворства и ловкости, отсутствие «невежественного презрения к чужому» и, напротив, — полезную «переимчивость» (имея в виду способность русского народа усваивать культурные ценности других народов), физическую и духовную опрятность и прочее (VII, 291). Впрочем, объективности ради следует отметить и некоторую идеализацию поэтом положения крестьян. Вместе с тем его внимание привлекает описание Радищевым рекрутского набора, женского голошения при проводах в солдаты, и эта картина дает основание определить «рекрутчину» как «тягчайшую из повинностей народных» (VII, 294), возмутиться убийственной 24-летней солдатской службой, духовно калечащей крестьянина и «отторгающей» его от своей среды и всего уклада народной жизни (VII, 295—296). Не обходит вниманием Пушкин и неравные браки, и несчастливую семейную жизнь в крестьянской среде. Характерно, что в подтверждение своего печального вывода он ссылается на народные песни: «обыкновенное их содержание или — жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы как вой похо-

ронный» (VII, 287). Пушкин пишет и о народных легендах, сожалея, что они не изданы, между тем как «заклучают в себе столь много истинной поэзии» (VII, 292), ссылаясь на собрания П. Киреевского и Н. Языкова.

Широта взглядов Пушкина проявляется в его внимании к положению не только русского народа, но и других народов, в том числе и так называемых «нецивилизованных». В связи с этим актуальность сохраняет одно из последних произведений Пушкина — статья «Джон Теннер» (1836 г.). Являясь комментированным изложением «Записок» американского автора, опубликованных в Нью-Йорке в 1830 г. (Пушкин пользовался французским изданием 1835 г.), статья проникнута горячим сочувствием к индейским племенам, критикой буржуазной демократии «в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве» и расизма («рабства негров среди образованности и свободы» — VII, 435). Пушкин одобряет «строгий разбор» в некоторых современных ему работах отношения в Соединенных Штатах к индейцам, осуждение «бесчеловечия американского Конгресса» (VII, 450). Он противопоставляет «идиллическим» описаниям индейцев «Записки» Джона Теннера. Статья Пушкина, опубликованная в «Современнике», обстоятельно знакомила русское общество с подлинным положением, бытом, нравами, занятиями, культурой индейцев, с процессом их «вытеснения из наследственных пустынь» и с порчей их нравов вследствие соприкосновения с «цивилизацией» колонизаторов, которая «подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние» (VII, 458), привила им пристрастие к спиртным напиткам: «выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индейцы отдают и остальное за бесценок; за продолжительным пьянством следуют голод и нищета...» (VII, 449).

Научная объективность Пушкина и присущее ему чувство социальной справедливости побудили его обратиться и к судьбе «нецивилизованных» народностей, проживающих в Российской империи. Об этом свидетельствует его последний литературный труд (январь 1837 г.) — работа над статьей о Камчатке и камчадалах и связанные с этим заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Отдавая должное подвигу русских казаков-землепроходцев, «смелых сподвижников Ермака», отмечая трудности и опасности их дела, их суровый воинский быт, Пушкин вместе с тем не скрывает и жестокие меры покорения «диких племен». Он осуждает попытки казаков закрепить аборигенов Камчатки («казаки брали камчатских женщин и ребят в холопство и в наложницы» — IX, 476) и видит вслед за Крашенинниковым в «притеснении от казаков» причину восстания камчадалов в начале XVIII в. (XI, 485), одобрительно отзываясь о следствии, предпринятом по этому делу в 1739 г., о наказании казаков и об освобождении закрепощенных: «Камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить» (IX, 505). Однако Пушкин не идеализирует нравы и самих камчадалов (их «первобытное состояние», «жестокость», «коварство», междуусобицу племен). Наибольший интерес в рукописи Пушкина представляют его краткие, но определенные заметки о быте камчадалов. В плане статьи он выделяет разделы «Описание Камчатки» и «Жители оной» (IX, 467). Пушкин конспектирует те части книги Крашенинникова, где приводятся самоназвания камчадалских племен, описываются их занятия, промыслы, изделия, их пища, их верования и мифологические представления (IX, 472, 473, 474—476). Преждевременная гибель прервала работу Пушкина над статьей.

До последних дней Пушкина волновали проблемы отношений между народами, «дикаря» и «цивилизации», судьбы мелких этнических групп, влияние завоеваний, колониализма, крепостничества, рабства на народные традиции. Этнографические интересы Пушкина претерпевали эволюцию. Если в ранней молодости на них влияние оказал романтический этнографизм, то позже они все больше определялись его историческими исследованиями, связывались с насущными социальными проблемами и общечеловеческими культурными и этическими ценностями.